

КАМБОДЖА:

НЕЙТРАЛЬНЫЙ УГОЛОК ИНДОКИТАЯ

Томас Дж. АБЕРКРОМБИ

«ТЫ ДРУГ ИЛИ АМЕРИКАНЕЦ?»

«И, ты друг или американец?» — обращается ко мне человек, идущий во главе возбужденной толпы. Затем, повернувшись к толпе, восклицает: «Если он американец, мы ему покажем!» Старая армейская куртка, мешковатые черные брюки и протертые черные тапочки — вот и все его одеяние. Но он совсем не походит на тех дружелюбных парней, которых вы так часто раньше встречали в Камбодже.

«Оставьте его, он француз», — громко солгал мой переводчик. Я сразу же понял намек и объяснил по-французски, что мы едем на каучуковую плантацию в Чап. Однако наши доводы показались им неубедительными, и мы поспешили обратно в джип.

«Стой, стой!» — зашумела толпа, когда я включил мотор. Лес рук протянулся к открытой машине, нацеливаясь на наш багаж и фотоаппараты. Американский паспорт в моем портфеле немедленно разоблачил бы наш обман.

Я припомнил взрыв ярости в Пном-Пене, столице Камбоджи, две недели назад, когда разъяренная толпа обрушилась на посольство США и Великая Британия, превратив десять тысяч томов реферативной библиотеки США в облако конфетти.

Я резко нажал на акселератор и рывком выжал сцепление. Облако удушливой пыли вырвалось из-под взвизгнувших колес. Крики протеста утонули в шуме мотора.

Три месяца я путешествовал по стране и жил среди камбоджийцев. Плодородный центр когда-то могущественной империи, Камбоджа ныне принадлежит к числу самых маленьких стран Юго-Восточной Азии с населением в 5,8 миллиона человек. Большинство ее жителей — камбоджийцы, или, как

они себя называют, кхмеры. С ними делил я радость свадебных церемоний и участвовал в традиционном обряде похорон. Мне случалось беседовать с монахами и чиновниками, с солдатами и врачами, с рыбаками и вождями племен. Камбоджийцы казались мне гордыми и добродушными людьми, обычно улыбающимися, всегда вежливыми.

Но вдруг все изменилось, по крайней мере по отношению к американцам. Я видел, как улыбки на лицах сменялись подозрительностью, а иногда и страхом; и это повторялось все чаще и чаще по мере того, как газеты и радио Пном-Пеня усиливали свою антиамериканскую пропаганду.

Камбоджийско-американские отношения неотвратимо ухудшались с тех пор, как Камбоджа отвергла американскую программу военной и экономической помощи в ноябре 1963 года.

Позднее, когда южновьетнамские войска преследовали отряд вьетконгских партизан, близ деревни Шантри, в Юго-Восточной Камбодже, в перестрелке погибло 17 камбоджийцев. Среди вьетнамских войск были замечены американские солдаты. И тогда тлеющие антиамериканские настроения вспыхнули ярким пламенем. Было более безопасно выдавать себя за француза, чем за американца, несмотря на то, что именно французы в течение длительного времени господствовали в Камбодже и других странах Индокитая.

ЩЕДРЫЕ ДАРЫ ОЗЕРА

На юге страны лежит Тонле-Сап — Великое озеро. Камбоджа извлекает из него двойную выгоду: озеро служит естественной ирригационной системой и, кроме того, кишит рыбой, которая после ливней является здесь основным продуктом питания.

В сезон дождей, с июня по ноябрь, уровень реки Меконг поднимается на 45 футов, буквально вынуждая реку Тонле-Сап течь в обратном направлении, назад в озеро.

Сокращенный перевод очерка из журнала «Нэйшнл джеографик».

Каждое утро сборщик взбирается по шатким жердям на пальму толди, чтобы собрать сахаристый сок.

Озеро, которое во время засушливого сезона занимало площадь в 200 квадратных миль, увеличивается примерно в 15 раз, заливая рисовые поля, расположенные в его бассейне. Возвращаясь к своему обычному уровню, оно оставляет плодородные наносы ила и новые запасы рыбы, быющей в каждом пруду или канаве.

Каждый камбоджийский крестьянин занимается рыбной ловлей. Я наблюдал целые семьи, вооруженные сетями и плетеными корзинами в виде ковшей, ловящие рыбу в самых маленьких водоемах. Другие идут вброд по воде, подбирая липкую рыбу, которая выжила после спада воды, зарывшись в ил.

Я нанял длинную пирогу, напоминающую венецианскую гондолу. Моим гондольером был художавый жизнерадостный камбоджиец по имени Ван Меун. На его теле были вытатуированы буддийские молитвы и анимистические символы. Он искусно пробирался по каналу, лавируя между многочисленными лодками. Это были сампоны, моторные лодки, неуклюжие джонки, ярко раскрашенные пакетботы. Мы проплыли мимо старика и его жены, которые медленно гребли, передвигаясь по воде вместе со своим домом и садом. Их неповоротливый плот был примерно 20 ярдов в длину. На всех палубах сушилась рыба.

«Это так называемая «трагтрей», или рыболовецкая ферма», — поясняет Меун. Под плотом был привязан большой естественный аквариум. Там плавала вся пойманная мелкая рыбешка, где ее кормили кукурузной кашей в течение нескольких недель до тех пор, пока она становилась достаточно жирной. Примерно 40 тысяч семей кормилось за счет огромного озера, их дома находились прямо на воде.

Мы подъехали к миниатюрному домику на сваях, украшенному красочно-белыми флагами. «Это храм Таканга, духа, покровительствующего рыбам», — сказал Меун. Он оставил три палочки курящегося фимиама, что должно было способствовать удаче.

Затем мы приблизились к длинному бамбуковому забору. Он простирался по мутной воде вплоть до множества лодок, которые казались совсем крошечными на противоположном его конце. Это была гигантская запруда, достигающая почти мили в длину. На борту одной из лодок ее хозяин, Лоук Ром, отдавал приказания команде. Рыбаки плавали внутри запруды, взметая тысячи брызг, загоняя рыбу в большую западню, установленную на конце запруды.

«Тонле-Сап — одно из самых богатых мест в мире по запасам рыбы», — сказал Ром. — Западни всегда полны. К сожалению, этого нельзя сказать о наших карманах. Китайские ростовщики закупают правительственные рыбные концессии, а затем сдают их в аренду, и, конечно, цены они устанавливают по своему усмотрению».

БОКС ПОЛЬЗУЕТСЯ БОЛЬШОЙ ПОПУЛЯРНОСТЬЮ

Когда я возвратился в столицу Камбоджи, город показался мне удивительно спокойным. В связи с тем, что американская помощь была отвергнута,

бензин стал большой редкостью. И ночная жизнь Пном-Пеня в большинстве своем была сконцентрирована в баре «Джин», где можно было присоединиться к французам и провести вечер за хорошим ужином, приправленным разговорами о лучших временах. Почти каждую субботу флаги, растянутые вдоль улицы Кхемарак-Тхулин, приглашают любителей спорта посетить волнующее зрелище: футбольный или баскетбольный матч или камбоджийский бокс.

Во время первенства по боксу улица, где находится спортивная арена, перекрыта: зал переполнен.

Удары барабанов и пение флейт возвещают начало матча. Боксеры поднимаются на ринг, одетые в боксерские трусики, перчатки, но без обуви. Прежде чем принять бой, каждый боксер исполняет соло свой собственный танец-молитву. Сегодня вечером один из них исполнил грациозную балетную интерпретацию искусства бокса. Его противник, менее подвижный, проделывал упражнения на канате.

Я поинтересовался, почему каждый бой состоит не более чем из пяти раундов. Капитан Сисоват Куссарак, президент Пном-Пеньского спортивного клуба, сидевший возле меня, пояснил: «Наш бокс в два раза тяжелее вашего, английского, бокса. И пять раундов — это более чем достаточно. Немногие матчи длятся даже в течение этих пяти раундов, большинство заканчивается значительно раньше».

Гонг. Первый раунд. Удар правой. Левая нога в живот. Левый локоть в лицо. «Камбоджийский бокс существовал еще во времена древнего Ангкора, — популярно объясняет капитан Сисоват. — Чтобы разрешить какой-либо спор, наши предки привязывали к рукам и ногам железные шпоры и дрались до тех пор, пока один из противников не пал замертво».

Гонг. Второй раунд. Правая нога к голове. Удар слева. Еще один удар слева. Боксер в красных трусиках начинает проигрывать. На его бицепсах я увидел медные браслеты. «Для чего они?» — спросил я. «Амулеты на счастье, — поясняет Сисоват. — Боксеры очень суеверны. А эти амулеты не приносят никому никакого вреда. Но, конечно, мы просим, чтобы у них в перчатках не было никаких талисманов». Удар. Сильный толчок правой ноги в челюсть — и боксер в красных трусиках перелетает через канат. Матч закончен. Толпа неистовствует. Победитель пробегает по рядам, собирая свое вознаграждение за хороший бой.

ЖАРЕНАЯ ЯЩЕРИЦА — ПРАЗДНИЧНАЯ ЕДА

В провинции Ратанкир, расположенной далеко от центральных районов, возле границы с Лаосом и Вьетнамом, я встретил каучукового плантатора Альберта Бартолли. Он прожил в Камбодже 23 года, руководил расчисткой 50 тысяч акров джунглей под новую государственную плантацию. Днем он работал, а по ночам занимался охотой. Я спросил его о кхмер-лоу, горных племенах, живших неподалеку.

«Кхмер-лоу — раса независимых. Они хорошие работники, но не очень надежные. Требуют, чтобы им выплачивали заработную плату в конце каждого дня, а завтра они могут и совсем не выйти на работу. Вы хотели бы посетить их поселение? — Он усмехнулся. — Во время определенных церемо-

ний чужеземцы не должны там появляться. Но можно попробовать».

Джип Бартолли провез нас сквозь леса и холмистые поля к окрестностям Пхам-Тхай. Селение казалось совсем пустынным, но странная музыка гонга подсказала нам, что там празднуется какое-то торжество.

Вождь племени, Кнай Тнаиль, объяснил нам: «Мы благодарим духов урожая. Это самое счастливое время года. Рис собран. У нас много вина и мяса. Присоединяйтесь к нам».

Мы последовали за своим хозяином. У него был высокий лоб, большие глаза, тонкие черты лица. Вся одежда ему заменял один кусок материи. Вороту торчала причудливая трубка.

Около 40 жителей селения собралось в его небольшом домике. Перед ними стояли тарелки с мясом и бамбуковыми отростками, маниока, дыни, суп из крови и жареная ящерица.

Мужчины по очереди прикладывались к тростнику, опущенному в кувшин, наполненный брагой из риса. Я попробовал этот напиток. Он показался мне вкусным и холодным, но довольно крепким.

На рисовом поле.

Несколько подбадривающих глотков — и исчезли все мои страхи и опасения.

Незадолго до захода солнца гонг замолк. В деревне стало тихо, раздавался только звон коровьих колокольчиков да издали слышалось чавканье — слоны жевали бамбук.

Я беседовал с Тнаилем о будущем этого маленького племени. Его жена обмолачивала рис. Она была небольшого роста, обнажена до пояса и вся завешана украшениями. Я насчитал 26 браслетов, 34 кольца, четыре ожерелья из латуни и алюминия и 67 ниток голубых бус. Даже во время работы она умудрялась баюкать грудного младенца, подвешенного у нее за спиной.

«Наша жизнь меняется, — заявил вождь. — Молодежь рубит деревья для плантации. Они могут заработать до 20 риелей¹ в день. У одного из них уже скопилось достаточно денег на покупку велосипеда. Цивилизация отпугивает экзотику, но она несет с собой прогресс. Уже поговаривают о строительстве школы».

Как я узнал впоследствии, по всей стране идут разговоры о строительстве школ. Около четверти

¹ 100 риелей равны 2 рублям 57 копейкам.

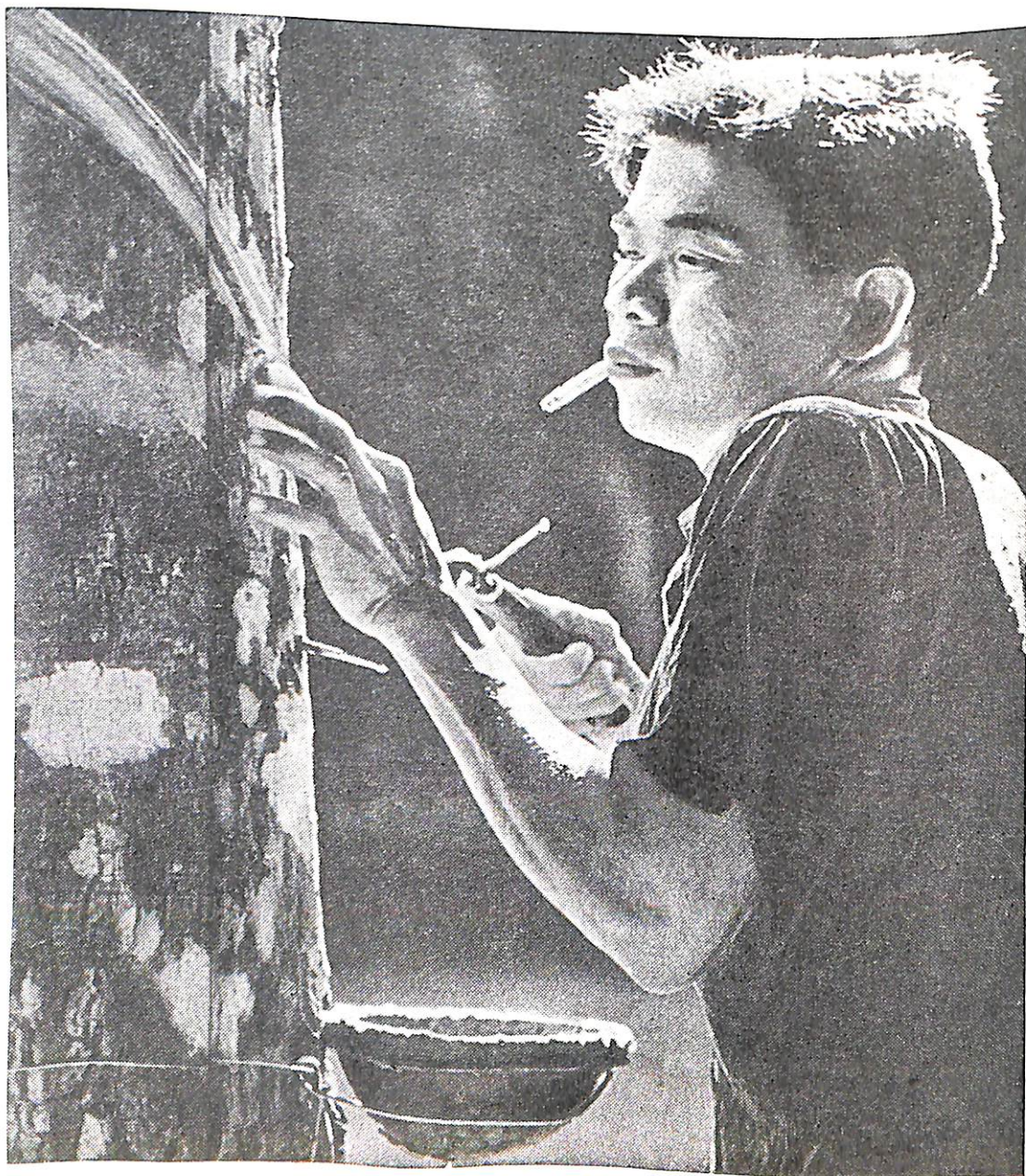
национального бюджета предназначено на образование.

В деревне Прадак, недалеко от Анкгора, я мог воочию убедиться, что в стране действительно происходят изменения в системе школьного образования. В традиционной буддийской школе мальчишки зубрили свои уроки по длинным связкам пальмовых листьев, где были нанесены буддийские писания в ритмической форме.

А через дорогу стоит новая начальная школа. Молодой учитель пригласил меня в свой класс. Я устроился за небольшим деревянным столиком и наблюдал, как восьмилетние ребята с широко открытыми глазами делали первые шаги во французском языке.

«Эту школу построили родители. Правительство предоставило строительный материал, — рассказал мне учитель. — Сами ученики работали на строительстве по несколько часов в неделю, расчищая площадку, вывозя грязь и песок, смешивая цемент».

«Бон», — произносит учитель. Ученики повторяют вслед за ним. Когда я уходил, ребята вежливо встали. «Какое впечатление произвел на вас класс?» — спросил учитель. Я ответил на их новом языке: «Бон» — хорошо.

Три раза в неделю камбоджийские рабочие срезают тончайший слой коры с каучуковых деревьев.